

*Всѣмъ чинамъ своимъ
Всѣмъ чинамъ своимъ
1849 Ян. 6.*

Погодинъ М

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

КЪ ЮНОШѢ.

Юноша! Ты вступаешь на поприще дѣйствій! Приготовленія твои кончились, годы ученія исполнились, часъ твой наконецъ пробилъ! О, съ какимъ нетерпѣніемъ ты его дожидался, съ какимъ трепетомъ считалъ всѣ минуты его приближенія, съ какимъ восторгомъ воображалъ себя на службѣ отечеству, людямъ и наукѣ! Поучать цѣлыя поколѣнія, возбуждать высокія чувствованія, подвигать къ великимъ дѣяніямъ, уничтожать пагубныя заблужденія, открывать вѣчные законы премуд-

рости — какая прекрасная, блаженная жизнь представлялась тебѣ среди святыхъ твоихъ мечтаній! И весело подвергался ты для нея всякимъ лишениямъ, нечувствуя ни голода, ни холода, ни жажды, трудился безъ отдыха не зная усталости. Когда твои ровестники, товарищи, веселились въ первомъ пылу кипящей молодости, когда они упивались жизнью, жадными руками рвали ея заветные цвѣты, вкушали ея запрещенныхъ и незапрещенныхъ плодовъ, ты, одинъ въ своей тѣсной кельѣ, какъ въ гробу живой мертвецъ, обложенный костями, прахомъ, тлѣніемъ, проводилъ длинныя ночи въ глубокихъ размышленіяхъ, или сидѣлъ по цѣлымъ часамъ надъ одной чертою, надъ одной буквою, отказываясь отъ всѣхъ свѣтскихъ наслажденій, затворяя чувства отъ всѣхъ земныхъ радостей. Самыми лучшими годами, самой цвѣтущей порою, когда всё въ мірѣ чаруетъ юнаго гостя, всё манитъ къ удовольствіямъ, ты пожертвовалъ для трудовъ скучныхъ, тягостныхъ, утомительныхъ! И ничего не доставало тебѣ даромъ, все долженъ ты былъ снискивать въ потѣ лица, все брать приступомъ, съ бою. Но ты преодолевалъ наконецъ всѣ препятствія, ты вышелъ отовсюду побѣдителемъ, запасся всѣми нужными свѣдѣніями, снарядился исправно въ путь, — и вотъ теперь ты гражданинъ, человекъ совершеннолѣтній, уже не мальчикъ, не ученикъ, ты получаешь полную свободу, можешь начать вождѣльное дѣланіе, — врата жизни передъ тобою разтворились!...

Остановись юноша! Я дамъ тебѣ совѣтъ: тебѣ предстоятъ испытанія, испытанія особаго рода, о коихъ не помышлялъ ты среди своихъ дѣтскихъ, невинныхъ, хоть и тяжелыхъ трудовъ. Послушай...

Но онъ ничего не слышитъ, кровь у него кипитъ, сердце бьется, пылаетъ вся внутренность... какъ молодой левъ, долго продержанный въ неволѣ, изъ желѣзной клѣтки бросается онъ стремглавъ на поприще!

О, посмотрите на него! Полюбуйтесь имъ! Это зрѣлище умилительное! Какъ онъ любитъ добро, какъ онъ любитъ людей! Сколько въ немъ силы, сколько въ немъ воли! Чего не можетъ онъ сдѣлать свѣжій и могучій! На что не готовъ онъ, смѣлый, чистый, благородный! Полюбуйтесь имъ, пока опытъ не коснулся его сердца тлетворной рукою, пока страсти не вывели по немъ черныхъ пятенъ, пока онъ не заразился болѣзнями міра сего...

Вотъ онъ уже на срединѣ поприща — окинулъ быстрымъ глазомъ все пространство, вдругъ все увидѣлъ, сообразилъ, рѣшилъ: здѣсь должно выстроить, тамъ сломать, сюда принести, оттуда вывезть, это поставить... И все кажется ему возможнымъ, легкимъ, удобнымъ! Единственное затрудненіе для него въ выборѣ: его глаза разбѣгаются, онъ не знаетъ, съ чего начать. Ему хочется вдругъ приняться за все, все сдѣлать, всему помочь! Какъ благодарить онъ судьбу, которая представила ему съ перваго раза столько случаевъ сдѣлать добро! Какъ удивляется онъ, что прежде его никому не приходило въ голову воспользоваться ими. Онъ боится, чтобъ теперь не предупредилъ его кто, чтобъ не осталось ему мало работы. Онъ готовъ, кажется, разорваться на части, чтобъ всюду поспѣть, — вонъ, вдали, лежитъ тяжелая ноша, которую надобъ вставить на гору; ее давно всѣ обходятъ, никто поднимать не рѣшается, никто прикоснуться не смѣетъ. Чегоже лучше, — и онъ прямо къ ней, со всего разбѣга, схватилъ могучими

руками, вскинулъ на крѣпкія плеча, рванулся къ верху и двинулся. Сгоряча онъ не чувствуетъ бремени, тащитъ, тащитъ, а ему кажется, что онъ бѣжитъ. Напрасно первые, доброжелательные, прохожіе останавливаютъ, удерживаютъ его... Онъ ничего не слышитъ, ничего не видитъ, и все впередъ. Потъ катится съ него градомъ, въ груди недостаетъ дыханія, лице горитъ. А гора круче, дорога труднѣе — рытвины, камни, колючіе терны! ничто его не устрашаетъ. Онъ смотритъ только на вершину, воображаетъ то множество, которому несетъ туда помощь и облегченіе: съ какою радостію, съ какими слезами благодарности, встрѣтятъ они тамъ неожиданнаго благодѣтеля! Сколько добра извлечется теперь, и будетъ извлекаться въ роды родовъ изъ его богатаго приношенія! Онъ мысленно выбираетъ мѣсто, гдѣ сложить ему свою ношу такъ, чтобы какъ-можно больше народа могло воспользоваться ею... Но силы ему измѣняются, онъ начинаетъ двигаться медленно, самъ не примѣчая того, ноша клонитъ его къ землѣ ниже и ниже...

А сколько народа проходитъ мимо! Ну чтобы помочь пылкому юношѣ, поддержать его вотъ на этомъ скользскомъ шагу, отбросить вотъ этотъ камень, что лежитъ поперекъ дороги, подать хоть каплю воды, чтобы промочить засохшее горло, освѣжить запекшіяся уста, хоть сказать ласковое слово — идутъ же вѣдь они съ пустыми руками, порожнемъ, или несутъ бездѣлки, и то ласкаемые, ободряемые, награждаемые — а они только улыбаются, подсмѣхаются, глядя на несчастнаго труженника! Но ему нѣтъ ни до чего дѣла, онъ и не замѣчаетъ преступнаго равнодушія, собирается съ силами, и опять все впередъ, впередъ...

Ужъ онъ за половиной дороги, ужъ дѣлается вѣроятнымъ, что онъ достигнетъ цѣли, — и вотъ какіе то неизвѣстные люди начинаютъ мѣшать ему, сперва такъ, шутя, будто не нарочно, съ веселой улыбкой, съ умильными взглядами, — бросаютъ подъ ноги, дергаютъ за полу, дразнятъ. Досадно юношѣ, но нѣкогда спорить, упрекать, объясняться, защищаться. Онъ спѣшитъ: вершина передъ нимъ — но тогда уже просто заставляютъ ему дорогу, толкаютъ въ грудь, не пускаютъ... Прочь презрѣнная сволочь! Еще нѣсколько усилій! Уфъ! Онъ на горѣ, свалилъ съ плечъ свой возъ, и повергнулся на него въ безпамятствѣ!

Очнувшись онъ не вѣритъ глазамъ своимъ, какъ могъ онъ на гору встащить почти-другую гору, которую и по гладкой дорогѣ пронести одному нѣтъ кажется никакой возможности.

Но гдѣжъ ожиданія, гдѣ обѣщанія, гдѣ слезы благодарности? Съ удивленіемъ онъ поводитъ глазами вокругъ себя. Никого нѣтъ. Онъ стоитъ одинъ, какъ часовой, надъ своимъ сокровищемъ. Толпа проходитъ мимо, кивая головами, пожимая плечами, прищуривая глазами. Издали доносятся лишь пустые вопросы: что это за человѣкъ? откуда онъ родомъ? чего онъ хочетъ? съ какою цѣлію здѣсь явился? съ кѣмъ находится въ связяхъ? Воспользоваться трудомъ его никто не думаетъ, даже тѣ, для которыхъ собственно онъ трудился. Напрасно онъ объясняетъ, толкуетъ, проситъ, кличетъ. Иной останавливается мимоходомъ, но тотчасъ увлекается толпою, не успѣвъ осмотрѣть ничего порядочно, не успѣвъ узнать ничего основательно.

Мой бѣдный юноша не вѣритъ глазамъ, не вѣритъ ушамъ своимъ! Долго стоитъ онъ остолебѣлый, какъ будто пораженный внезапнымъ громовымъ ударомъ.

Но между тѣмъ онъ отдохнулъ, силы его закипѣли опять, ему необходима новая работа, какъ воздухъ для дыханья. Онъ ободряется. Нѣтъ, думаетъ онъ, это недоразумѣніе, стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Пройдетъ нѣсколько времени, и трудъ мой оцѣнится по достоинству. Пусть онъ лежитъ пока здѣсь въ цѣлости и сохранности, и ожидаетъ своей очереди. И что значить одинъ неудавшійся опытъ! Неужели унывать мнѣ! Онъ забываетъ свои мученія, унижаетъ даже собственный подвигъ, и прочь отъ принесенной ноши, не бросивъ на нее даже прощальнаго взгляда,—за новую работу!

И вотъ начинается онъ снова работать,—работаетъ день и ночь безъ отдыха. Тихая лампада его встрѣчается всегда съ утренней зарею. Онъ недосыпаетъ ночей, не доѣдаетъ кусковъ. Вездѣ занимаетъ его одна мысль — на прогулкѣ, въ кабинетѣ, за обѣдомъ, въ гостяхъ. Вездѣ мерещится ему одно дѣло. Ему хочется осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, не пропустить ни одного обстоятельства. Работа его растетъ не по днямъ, а по часамъ, и сердце радуется, глядя на успѣхъ. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ нетерпѣніе его увеличивается. Онъ удваиваетъ свои усилія, и производитъ невѣроятное, — кончилъ! на выставку!

Пріемъ еще хуже. Толки, пересуды, разсужденія, одни другихъ нелѣпѣе. Замѣчаютъ, съ видомъ зна-

токовъ, ничтожныя ошибки, коихъ избѣжать легко, а исправить еще легче, и не цѣнятъ общаго достоинства; уставляются глазами въ разсыяныя кое-гдѣ пятнышки, и не хотятъ обозрѣть картину, во всемъ ея объемѣ.

Онъ работалъ годъ, говоритъ одинъ, а на это дѣло мало пяти. Я знаю, каковъ онъ: онъ спѣшитъ, и изъ него не можетъ выйти ничего путнаго.

И что здѣсь новаго, восклицаетъ другой, давно все извѣстно,—онъ выстроилъ зданіе изъ чужихъ матеріаловъ.

Это дѣло даже опасно по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, со страхомъ замѣчаетъ третій, и легко приведетъ въ соблазнъ, котораго можетъ быть и хотѣлось молодому человѣку.

Если неопасно, заключаетъ четвертый, то по крайней мѣрѣ бесполезно. А все самолюбіе!

Помилуйте, какое здѣсь самолюбіе. Достоинство дѣла состоитъ въ трудѣ, и всякой можетъ, если захочетъ, принять его на себя. Самолюбіе избрало себѣ другой предметъ, гдѣ можетъ лучше проявиться собственная личность.

Ну такъ корыстолюбіе!

Помилуйте, какое здѣсь корыстолюбіе: это дѣло не приноситъ и не можетъ приносить никакой вещественной выгоды, между тѣмъ какъ на виду есть множество другихъ дѣлъ, кои вознаграждаютъ работу сторицею.

Ну такъ гордость, самонадѣянность... или просто сумасшествіе.

Нѣтъ, чистая любовь къ наукѣ, усердіе..

Ха, ха, ха! Эти общія мѣста давно обветшали! Какой бездѣльникъ на нихъ не ссылался, и кто благоразумный имъ нынѣ вѣрить..

И обращается толпа къ другимъ сонскателямъ, которые съ низкими поклонами, и сладкими рѣчами, льстя ея дѣтскому самолюбію, зазываютъ ее къ своимъ блестящимъ игрушкамъ, и всѣми средствами, дозволенными и не дозволенными, стараются привлечь ея безмысленное вниманіе. Громкими рукоплесканіями, привѣтствіями, похвалами и наградами, осыпаются раболопные угодники. Недивись, они просятъ милости, — а ты требуешь права, — кому же вѣришь успѣхъ?

Грустно юношѣ, прискорбно, тяжело — долго онъ думаетъ, разсматривая свои занятія, сравнивая съ ними чужія. Тысяча мыслей переносится въ его головѣ, тысяча чувствованій переливается черезъ его сердце...

Успокоившись, онъ принимаетъ новое рѣшеніе. Я трудился по своей мысли, по своему выбору, говоритъ онъ. Вотъ отъ чего не угодилъ я своими опытами. Я возмущусь теперь за такое дѣло, которое всѣ единогласно признаютъ полезнымъ, нужнымъ, и вмѣстѣ неблагодарнымъ! Тогда не будетъ уже никакого сомнѣнія, никакого двусмыслія. Не на что будетъ сослаться. Я докажу ясно, что работаю не изъ видовъ. И неужели не явится ни одного благонамѣреннаго человѣка, ктобъ безпристрастно оцѣнилъ мои труды, показалъ ясно ихъ значеніе и важность, привлекъ на меня заслуженное вниманіе, доставилъ мнѣ средства трудиться для общей же пользы съ болѣею льготою?

Нѣтъ—не найдется такого человѣка. У каждого есть свое дѣло: кому досугъ думать и заботиться о твоёмъ. Изъ за чего ему спорить со всѣми, и брать на себя отвѣтственность, которой ты можешь быть не оправдаешь послѣ? Ловко-ли въ свѣтъ держать твою сторону, когда у тебя нѣтъ успѣха? За чѣмъ накликаешь на себя враговъ, которыхъ у тебя завелось столько?

Но какіе же враги у меня, думаешь ты, я не вѣдѣлъ никому; никому не мѣшалъ, всякому готовъ былъ служить чѣмъ могъ, и не отказывалъ ни въ какой помощи.

Несмысленный! Ты имѣешь дарованія, — такъ всѣ посредственности твои враги; ты честенъ, — такъ всѣ плуты враги твои; ты благороденъ, — и всѣ подлецы враги твои; ты дѣятеленъ, — и всѣ тунеядцы враги твои! Ты живой упрекъ имъ! Ты безпокоишь ихъ своими мозолями! Имъ досадно видѣть блѣдныя и впалыя твои щеки! Имъ стыдно встрѣчаться съ твоими болѣзненными взорами! Всѣ, всѣ они — заклятые враги твои, — каковы легионы! Да прибавь къ нимъ еще охотниковъ, которые ни за что, ни про что, при сей вѣрной окказіи, явятся къ нимъ съ усердными своими услугами.

Такихъ людей ты встрѣтишь на каждомъ шагу! Давно уже они смотрятъ на тебя, давно наблюдаютъ всѣ твои дѣйствія, давно слѣдятъ за всѣми твоими движеніями. Безъ твоего вѣдома они раздѣли тебя уже до нѣга, ошарили всѣ твои внутренности, отыскали слабыя струны твоего сердца, разпознали всѣ твои добродѣтели и пороки, взвѣсили до послѣдняго золотника всѣ твои спо-

собности, измѣрили по вершкамъ всю дорогу, которую прошелъ ты, и которую впередъ еще пройди можешь; они рассчитали по пальцамъ, куда и когда ты долженъ достигнуть, и на какой степени можешь быть имъ опасенъ или хотъ вреденъ; въ какой мѣрѣ, когда, можешь обезпечить, стѣснить ихъ своимъ нравомъ, образомъ мыслей, дѣйствій, своею особою, физиогноміей—еслибъ судьба и время поставили кого изъ нихъ въ твою зависимость!

Вотъ чего заранѣе они боятся робкіе, вотъ чѣмъ безъ страха не могутъ подумать малодушные, вотъ при какой мысли желчь вскипаетъ у неистовыхъ!

Какъ же не допустить тебя до этого положенія! Какъ предупредить грозящую, хотъ и далекую, опасность!

Надо держать тебя въ черномъ тѣлѣ, отвлекать отъ занятій, гонять по сторонамъ, сбивать, сердить, выводить изъ терпѣнія: ты любишь драться въ охотникахъ — тебя припишутъ къ обозу; ты способенъ разбирать гражданскія тяжбы — тебя посадятъ въ уголовной судъ; ты страстенъ къ Эстетикѣ — вотъ тебѣ Анатомія.

А между тѣмъ начинаютъ ругать тебя, поносить труды твои, выдумывать, клеветать, взводить напраслины, бросать въ тебя грязью, камнями.. Откуда? Кто? Справа, слѣва, сверху, снизу, изъ за уголъ. Ты оглядываешься во всѣ стороны, и, окруженный друзьями, долженъ только учтиво разкланиваться и обмѣниваться ласковыми взглядами, тогда какъ кровь изъ ранъ течетъ ручьями.

Въ многочисленныхъ, непрерывныхъ трудахъ твоихъ легко могутъ оказаться какіе нибудь не-

достатки—ихъ выставятъ на показъ, наведутъ на нихъ увеличительныя стекла и пожалуй хотъ разноцвѣтныя зеркала; нечаянныя двусмысленности — ихъ растолкуютъ въ дурную сторону; пропуски—изъ за нихъ скроютъ всѣ достоинства.

И люди легкомысленные, близорукіе, ограниченные, всегда склонные болѣе вѣрить злу, чѣмъ добру, способные по своей природѣ болѣе находить дурное, чѣмъ хорошее, примутъ площадное мнѣніе, и будутъ повторять съ удовольствіемъ нелѣпыя обвиненія.

И начнется твое разочарованіе, мой бѣдный, бѣдный юноша! Чистота души твоей помрачится; изъ глубины твоего сердца изникаютъ страсти; и гнѣвъ, и зависть, и злоба, и месть, волнуютъ кровь твою; зараждается ненависть. О, какъ тяжело бываетъ тогда оглянуться на себя, углубиться во внутренность души своей; и встрѣтить тамъ побужденія, желанія, намѣренія, кои прежде были такъ противны, ненавистны!

А если еще ты забудешься, если въ самомъ дѣлѣ поступишься, падешь—вотъ поднимутся шумъ, и крикъ, и радостныя плески! Со всѣхъ сторонъ посыплются упреки: Не говорилили мы? Не справедливыли были наши опасенія? Вы слышали? Какое? А еще жаловался! Что еслибъ дали ему поблажку! Видите?... А другіе явятся съ знаками лицемѣрнаго состраданія, которое бываетъ ядовитѣе всякаго ругательства: несчастный молодой человѣкъ! Могъ ли кто ожидать отъ него подобнаго дѣйствія! Какую подавалъ онъ надежду!..

Злодѣи! А чѣмъ помогли вы осуществиться этой блистательной надеждѣ! Чего вы не дѣлали,

чтобъ задушить, заморить ее въ самомъ ея гау-
бокомъ священномъ источникѣ!

Но не радуйтесь! Торжество ваше продолжится
недолго! Онъ еще молодъ, душа его крѣпка, онъ
опомнится скоро .. Слышите:

Прочь, прочь, съ большей дороги! восклицаетъ
юноша, не надо мнѣ вашихъ условныхъ рукопле-
сканій, не надо мнѣ вашей лицемерной признатель-
ности, не надо мнѣ вашихъ торговыхъ наградъ!
Дальше, дальше съ этого толкучаго рынка. Я
буду работать въ тиши, про себя. Что дѣлать мнѣ,
мнѣ полному надеждъ,

На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!

Я чувствую въ себѣ силу, и увѣренъ, что, зани-
маясь любимымъ предметомъ, я сдѣлаю много,
объясню, открою, и разумѣется мой трудъ не
пропадетъ; когда нибудь, но покроетъ онъ меня
славою, а враговъ моихъ стыдомъ: не затереть
его, какъ бы о томъ ни старались, этимъ ничтож-
нымъ крикунамъ.

Есть, есть вѣрно люди, тамъ, по сторонамъ, на
другихъ путяхъ, или вдали отъ большаго свѣта,
въ скромныхъ пріютахъ, которые мнѣ сочувст-
вуютъ, и меня любятъ. Молодой человекъ обра-
дуется подъ часъ моей мысли; у милой дѣвы
встрепетъ чистое сердце; задумается старецъ....
чего жъ мнѣ болѣе:

Wer den Besten seiner Zeit genug gethan,
Der hat gelebt für alle Zeiten.

Такъ, я оставляю свѣтъ! Кромѣ исполненія не-
обходимыхъ текущихъ дѣлъ, я неприму участія
въ его нецѣлостяхъ! Я заключусь въ уединеніе.

Подожди, юноша! Уединеніе мудреная жизнь:
не скоро сроднишься съ нею; не въ молодые годы
можно усвоить ея наслажденія.

Я буду готовъ, говоришь ты, служить всѣмъ
своею опытностію: на своей шеѣ переносилъ я
столько ношъ, переходилъ столько путей. Я знаю,
какъ надо ступать, гдѣ посторониться, гдѣ у-
двоить усилія!

Но никто не придетъ къ тебѣ за ненужными
совѣтами; никто не спроситъ мнѣнія у мечтателя,
а развѣ посмѣется надъ твоею готовностію. Передъ
твоими глазами будутъ искать того, что у тебя
найдено, и не станутъ принимать, хотябъ ты самъ
предлагалъ оное.

Скука начнетъ томить тебя, жажда дѣятельности,
къ которой ты привыкъ столько, будетъ тревожить,
досада одолевать тебя, у неопытнаго часто недо-
станетъ терпѣнія....

Вотъ на примѣръ происходитъ вопіющее зло-
употребленіе. Волось дыбомъ становится у тебя,
когда ты проникаешь своими взорами окинешь всѣ
его пагубныя слѣдствія. А у тебя есть другое
начертаніе, ясное, какъ дважды-два четыре, въ
пользѣ котораго ты убѣжденъ глубоко. Ты счи-
таешь священнымъ долгомъ принести свой совѣтъ...

Сколькимъ оскорбленіямъ ты подвергнешься на
пути, отъ послѣдняго привратника до главнаго
лица, отъ котораго зависитъ рѣшеніе! На всякой
ступени этой длинной, крутой лѣстницы, ожидаютъ
тебя удары, тяжелые для самолюбія. Скрѣпя серд-
це, ты принимаешь ихъ терпѣливо, одинъ за дру-
гимъ, лишь только бѣ дойти и сказать...

Дошелъ, говоришь ясно, убѣдительно. Тебя слушаютъ со вниманіемъ, желая кажется искренно узнать, въ чемъ состоитъ дѣло, долго думаютъ, предлагаютъ замѣчанія, выспрашиваютъ съ видомъ доброжелательства, ты отвѣчаешь на всѣ вопросы, опровергаешь всѣ возраженія, — и, вдругъ перемѣнился тонъ, въ глаза тебѣ называютъ бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ. Удивленный, ты усугубляешь свои доказательства, истощаешь все свое краснорѣчіе—никакъ не хотятъ понять тебя. Счастливъ, счастливъ еще, еслибъ въ самомъ дѣлѣ было такъ! Тогда все прошлобъ можетъ быть безъ всякаго вреда тебѣ! Но нѣтъ! Тебя поняли, вотъ въ чемъ вся бѣда твоя, и рѣшили твою гибель, потому что нехотятъ именно того, чего хочешь ты, и хотятъ напротивъ того, чего ты не хочешь. Или—тебя поняли, да скрываютъ это, чтобъ не одолжаться тобою, чтобъ послѣ воспользоваться твоею мыслею.

Но какъ они воспользуются ею? Выворотивъ ее на изнанку, а вывороченная на изнанку, она еще гибельнѣе той, которую ты отстранить стремился! И ты увидишь это, и вредъ скоро окажется, и вина падетъ на тебя, и ты получишь наказаніе тяжкое, и отойдешь обруганный, униженный, посрамленный! Терпи, терпи! Настоящія горести только что начинаются.

Полно являться съ совѣтами! Ты укротишь свои страхи, ты рѣшишься скрывать свои мнѣнія, и предоставить всѣ дѣла, любезныя, какъ нелюбезныя, обыкновенному ихъ теченію, — но изрѣдка все таки вырвется у тебя крикъ негодованія, — вдругъ переломить себя нельзя, — слетитъ съ языка острое слово, или, забывшись, ты посовѣстишься назвать невѣжу умницей, подлеца благо-

роднымъ, или ограниченную, пустую голову—гениемъ.... Довольно, довольно и такихъ выходовъ, чтобъ поддержать о тебѣ дурное мнѣніе: все это подслушаютъ, разпространятъ, украсятъ, предъ кѣмъ нужно, смолчатъ; предъ кѣмъ нужно, улыбнутся; гдѣ покачаютъ головою, гдѣ издадутъ неопредѣленные, но значительные звуки; гдѣ надо прибавить, прибавятъ; гдѣ надо убавить, убавятъ; разнесутъ, донесутъ, — и вотъ у тебя враги, новаго рода, личные и положительные, въ до-полненіе къ прежнему легіону, общихъ и отвлеченныхъ, — которые будутъ стараться доказать это тебѣ на дѣлѣ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Наступаетъ новый періодъ въ твоей жизни. Ты произносишь объѣтъ молчанія. Спасительный объѣтъ! О какъ жаль, что обыкновенно онъ произносится поздно! Ты хочешь молчать, углубляться въ самага себя, сосредоточиваться, — и вотъ начинается долгая внутренняя борьба, со всѣми ея ужасами и муками, — а между тѣмъ сердце у тебя набаливаетъ, намучивается. Духъ твой помрачается, и вмѣстѣ ты дѣлаешься равнодушнымъ ко всему, что происходитъ около тебя и съ тобою, охлаждаешь даже къ занятіямъ. Гдѣ прежніе порывы? Гдѣ этотъ благородный жаръ, этотъ священный трепетъ, обнимавшій такъ часто душу твою? Усталый, изнеможенный, ты станешь засыпать. Какъ тяжело ты будешь пробуждаться? Съ какою грустію будешь вспоминать о прежнемъ времени: не ужели священный огонь погасъ въ груди твоей! Больно будетъ душѣ твоей! Ты силишься возстать, — напрасно: утомленные крылья мгновенно опускаются послѣ всякаго усилія. Ахъ, какъ тяжело, тяжело! Внутреннія муки лютѣе внѣшнихъ ударовъ.

Между тѣмъ время течетъ и беретъ свое. У тебя пріобрѣлось старшинство и право голоса, другія дѣйствующія лица являются на поприщѣ, а ты все на одномъ своемъ мѣстѣ. Они приходятъ къ тебѣ съ помощію, ободреніемъ, и спрашиваютъ твоего мнѣнія. Самая посредственная наружность, обхожденіе только что не грубое, образъ мыслей не совсѣмъ варварскій, обыкновенное свѣтское искусство употреблять общія мѣста, обольщаютъ тебя, встрѣчавшаго доселѣ только жестокость и дикость. Ты принимаешь съ благодарностію вызовъ, общаешься съ радостію свои услуги, дѣлаешь имъ угодное, и стараешься даже пріобрѣсти ихъ благосклонность, извиняешь ихъ недостатки, прощаешь пороки, лишь бы привести въ исполненіе, посредствомъ ихъ, какія нибудь изъ твоихъ желаній, на пользу общую. Тебя слушаютъ, ласкаютъ, хвалятъ, — и ты, довольный и веселый, служишь, служишь, работаешь, выполняешь всякія порученія, излагаешь такъ называемыя мысли, — за твои труды получаютъ награды, почести, слава, — а у тебя нѣтъ ничего кромѣ ласковыхъ привѣтствій, келейныхъ лобзаній, и лестныхъ обѣщаній. Ты не думаешь о себѣ, — но чтоже исполнено изъ твоихъ начертаній? Чему дана сила? Гдѣ подана помощь? Когда оказано содѣйствіе? Нигдѣ, ничему, никогда. Ты начинаешь колебаться сомнѣніемъ, но не хочется тебѣ признаться въ ошибкѣ...

Ты подождешь еще нѣсколько времени, и наконецъ, какъ ты ни легковѣренъ, но догадаешься, что музыка таже, хотъ и на другихъ инструментахъ; піеса таже, только другіе актеры. Стыдно тебѣ, что поддался такому грубому обману. Стыдно тебѣ, что унижился передъ такою дрянью.

Стыдно тебѣ, что расточалъ свои бисеры передъ такими истуканами. А если еще случится сдѣлать что нибудь противъ ихъ желанія; если случится еще настоять на своемъ мнѣніи, поспорить, неуступить! Тогда уже ты увидишь ясно, что тебѣ ожидать нечего, кромѣ бѣды; затаивъ свое негодованіе, съ новою извою въ сердцѣ, ты возвращаешься опять домой, и зарекаешься *вѣрять*.

И вотъ отыскиваютъ тебя люди добродѣтельные, благонамѣренные, почтенные, избранные, о которыхъ слава гремитъ повсюду, которые посвящаютъ всю жизнь свою отечеству, которые не щадятъ для него никакихъ трудовъ, предлагаютъ ему въ жертву все свое время, которые всѣми силами ищутъ случаевъ принести ему пользу, съ непримѣрнымъ усердіемъ изыскиваютъ средства улучшить его состояніе, разсуждаютъ прекрасно о всѣхъ предметахъ знанія, принимаютъ къ сердцу всѣ общественные вопросы. О благодѣтели человѣчества! Медь каплетъ у нихъ изъ розовыхъ устъ! Кротость сіяетъ во взорахъ! Какая благородная осанка! Что за привлекательныя движенія! Во всемъ изящная простота! Они очаруютъ тебя своими сладкими рѣчами, они обаяютъ тебя всѣми прелестями свѣтскаго обхожденія, они осыпаютъ тебя самыми нѣжными ласками, обрадуютъ самыми пріятными обѣщаніями, утѣшатъ твое воображеніе восхитительными видами, упитаютъ твое самолюбіе, приведутъ въ сотрясеніе всѣ струны твоего сердца, заиграютъ на всѣхъ органахъ...

Ты обомлѣлъ, ты виѣ себя, безъ памяти! Дождался, дождался, восклицаешь ты въ восторгѣ! Вотъ она, вотъ награда за мое терпѣніе! Къ тебѣ

возвращаются всѣ потерянные силы, ты оживаешь съ новою, доселѣ неизвѣстной радостію, какую чувствуетъ развѣ только отчаянный больной, получивъ себѣ неожиданно здоровье. Блестящія картины первыхъ твоихъ лѣтъ развернулись снова въ твоёмъ воображеніи. Твое будущее освѣтилось чудными огнями!

Всѣ свои сокровища принесешь ты къ ногамъ неожиданныхъ благодѣтелей! Въ жару своей искренности, ты открываешь имъ всѣ заветныя свои думы, передаешь всѣ любимыя мечты, сообщаешь задушевныя желанія, ты отдаешь имъ всѣ плоды твоихъ трудовъ, твоихъ слезъ, твоихъ размышленій, твоихъ страданій. Все, все соберешь передъ ними — со дна твоей глубокой души, съ небесъ твоего сердца. Восторженный, умиленный, ты бросишься къ нимъ въ объятія... и пронзишься насквозь смертоносными иглами, ядовитыми жалами, коими усыяна ихъ любезность и милость! И упадешь на землю, истекая кровью, изъязвленный, разбитый, пораженный.

Ужасное положеніе! Свѣтъ потемнѣетъ въ глазахъ твоихъ, природа помертвѣетъ, люди опротивѣютъ, ты возненавидишь жизнь, позабудешь отечество.

Въ пламенной рѣчи, собравъ остатокъ силъ, ты произнесешь свою жалобу — гласъ вопіющаго въ пустыни!

Ктожъ навѣститъ тебя лежащаго на болезненномъ одрѣ? Разумѣется кто: твои враги. Они прочуютъ первые о твоей болѣзни, о твоёмъ отчаян-

номъ положеніи. Они сбѣгутся со всѣхъ сторонъ порадоваться на твои раны, — всѣ, всѣ, молодые, пожилые и старые, изъ всѣхъ періодовъ твоей жизни. Они усядутся рядами около твоего одра, и начнутъ лягать, брыкать, бодать, кусать, щипать полумертваго.

Страдая душою и тѣломъ, на развалинахъ всѣхъ твоихъ святыхъ мечтаній и желаній, ты разумѣется не услышишь почти ударовъ презрѣннаго скопища. А какъ скоро оно умножается... Вонъ спѣшатъ еще товарищи по ремеслу, которые занимались однимъ предметомъ съ тобою, и ни за что въ свѣтѣ никогда не могли простить тебѣ твоего превосходства... У нихъ отдохло теперь сердце; радостно плещутъ они руками присоединяясь къ безстыдному хору.

Вонъ бѣгутъ подлецы, облагодѣтельствованные тобою. Для низкихъ душъ ничего не можетъ быть тягостнѣе оковъ благодарности, и они рады выгодному случаю свергнуть несносное бремя, осыпая тебя ругательствами.

Ближніе твои станутъ далече... и между ними найдутся можетъ быть твои любимцы, твои воспитанники, которыхъ ты питалъ у своей груди, за которыми ты ходилъ какъ усердная нянька, какъ родная мать, съ которыми дѣлилъ послѣдній кусокъ хлѣба и всякую новую мысль, которыхъ выносилъ на своихъ плечахъ, за которыхъ принималъ брань и ругательство... Можетъ быть и они бросятъ въ тебя камень! О тяжело, тяжело... Знакомые убоятся произнести твое имя. Друзья... гдѣ друзья? У Ювлева гноища не найдется троихъ! Счастливъ еще, если хоть одинъ придетъ когда пролить слезу состраданія на глубокія язвы, по-

заботится о средствахъ врачеванія, или не побоятся сказать о тебѣ иногда доброе слово.

Товарищи дѣтства, съ которыми вступилъ ты вмѣстѣ на поприще жизни, жилъ долго душа въ душу, которые любили тебя отъ искренняго сердца, и дѣлили всѣ твои помыслы.... они всѣ на другихъ дорогахъ, увлеченные особливými обстоятельствами, они получили иное направленіе, перемѣнили мнѣнія, не такъ думаютъ, не такъ чувствуютъ, не того желаютъ, какъ ты. Ты не узнаешь ихъ, и они не узнаютъ тебя, не поймутъ твоихъ рѣчей, и не возмогутъ, какъ бы ни желали, принять дѣятельнаго участія въ твоёмъ положеніи.

Идеалы твоей юности, въ которыхъ ты видѣлъ всѣ совершенства, къ которымъ приступалъ съ благоговѣніемъ,— но у тебя другіе глаза, ты смотришь иначе на вещи, и что удивляло тебя сначала, то представляется теперь обыкновеннымъ и даже пошлымъ; ты не найдешь въ себѣ прежнихъ чувствованій, и самыя воспоминанія лишатся для тебя своей прелести.

Ты обратишься къ книгамъ, къ книгамъ, гдѣ столько времени находилъ удовольствіе, радость, наслажденіе, ты захочешь позабыться въ обществѣ этихъ неизмѣнныхъ друзей— но и они измѣнили тебѣ:

*Сомнѣнья тучей обложилось
Священной истины чело.*

На всякой строкѣ ты будешь останавливаться недовольный, на всякой страницѣ будешь ты спрашивать, и не будетъ конца твоимъ вопросамъ, а дать отвѣтъ некому, и книга упадетъ изъ рукъ твоихъ.

Ты бросишься къ Исторіи— Что она представитъ тебѣ? Ложь, обманъ, козни, муки, мелочи, насилія, самолюбіе, подъ пышными заглавіями и титлами.

Взглянешь на всемірное общество своего времени— о лучше не смотри на этотъ новый Вавилонъ, гнуснѣе древняго, который лишился даже воли своей, который даже не имѣетъ возможности жить иначе,— Вавилонъ, гдѣ царствуютъ уже не люди, не страсти, не добродѣтели, не пороки, а только обстоятельства.

Собственные твои труды, какъ непристроенныя дѣти, будутъ колоть тебѣ глаза, и возбуждать горестныя чувства: Надъ чѣмъ ты работалъ? Что ты сдѣлалъ? Какую пользу принесъ ими себѣ, или другимъ? Куда употребилъ ты силу? Начто ты жилъ?

Наконецъ ты усомнишься въ самомъ себѣ, слыша, какъ святѣйшія чувства твои называютъ смертными грѣхами, какъ для чистѣйшихъ твоихъ намѣреній отыскиваютъ самыя мутныя источники,— ты усомнишься въ самомъ себѣ: не виноваты ли ты въ самомъ дѣлѣ,— и затрепещешь всѣмъ существомъ своимъ...

Ты разтерзаешь ризы свои, посыплешь пепломъ главу свою, прольешь потоки горючихъ слезъ, взвоешь, взвоешь какъ голодная собака подъ заборономъ, проклянешь день своего рожденія, произнесешь хулу...

Юноша... нѣтъ... тебѣ уже сорокъ лѣтъ... и ты не слышишь словъ моихъ: ты изнемогъ, отчаялся, помѣшался; тебѣ прописываютъ билетъ въ ту богадѣльню, гдѣ бьется о стѣну головою Тассъ, гдѣ гложетъ заплесневѣлую корку Кеплеръ, гдѣ злословитъ науку Руссо, гдѣ упивается Ломоносовъ, гдѣ предъ поганымъ бродягою под-

ставляетъ высокое чело свое Пушкинъ... Счастливъ еще, если ты попадешь въ это славное общество. Мимо тебя съ почтеніемъ пройдетъ странникъ, какъ мимо храма поруганнаго, и поклонится тебѣ низко, съ слезами на глазахъ смотря на твои цѣпныя неистовства.

Но если, не выдержавъ послѣдняго испытанія, ты ожесточишься! Если ты изъ жертвы самъ захочешь сдѣлаться палачемъ, и заморивши въ себѣ всѣ человѣческія чувства, рѣшишься вымещать на другихъ свои несчастія... Оборои тебя Боже!

А если ты охладѣешь, одеревянѣешь, предашься житейскимъ заботамъ, поклонись Ваалу, и смѣшаешься съ толпою, вспоминая о прошедшей жизни, какъ о безпокойномъ сновидѣніи...

А если ты развратишься, и въ удовлетвореніи низшимъ страстямъ, будешь искать забвенія претерпѣнныхъ несчастій...

Я не посмѣю обвинять тебя, а пожалуй горько, что бывъ такъ близко цѣли, ты недошагнулъ до нея, хватаясь почти рукою за высокую награду, не смогъ удержать ее, упалъ и потерялъ въ одну минуту всѣ плоды такихъ долговременныхъ и мучительныхъ опытовъ.

Другъ мой, другъ мой, успокойся! Подумаи — неужели всѣмъ этимъ великимъ урокамъ пропадать даромъ, урокамъ жизни, свѣта, судьбы? неужели изъ нихъ нельзя извлечь никакой пользы? Ты сѣялъ слезами — должна же слѣдовать за ними жатва радости.

Послушай: это испытанія, тѣ испытанія, о которыхъ я хотѣлъ предупредить тебѣ въ самомъ началѣ твоихъ дѣйствій! Огнемъ очищается золото, грозою осѣждается воздухъ... душа возвеличивается несчастіями.

Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ, приметъ вѣнецъ жизни, его же обѣща Богъ любящимъ его.

Другъ мой! Другъ мой! Соберись съ силами, обрати взоръ твой на небо, помолись...

И если ты носишь эту истинную любовь въ своемъ сердцѣ, любовь христіанскую, если ты не обманывалъ себя, какъ не обманывалъ другихъ, то вѣрно получишь помощь свыше. Ты возстанешь, уже совлекшійся ветхаго челоуѣка, обновленный, освященный; возстанешь, и поднимешься на ту высоту, гдѣ не слышутся земные вопли, даже самые громкіе, куда не достигають самыя летучія стрѣлы, гдѣ царствуетъ ничѣмъ не возмущаемое спокойствіе! Тамъ просвѣтитъ твой взоръ! Какой порядокъ и чинъ увидишь ты въ прежнемъ замѣшательствѣ! Какую гармонию услышишь въ прежнемъ нестерпимомъ шумѣ и гамѣ. Съ какимъ райскимъ удовольствіемъ постигнешъ ты божественное выраженіе, что все на свѣтѣ благо. Ты увидишь тогда необходимость зла, какъ средства увеличивающаго, по законамъ Премудрости, дѣятельную силу добра. Какое высокое зрѣлище представить тебѣ Исторія, гдѣ встрѣтишь ты не людей, а челоуѣчество, идущее неукоснительно, вопреки всѣмъ ихъ предположеніямъ, замысламъ, помѣхамъ и сопротивленіямъ, по своему прямому пути, начертанному верховною Десницею. Сколь ничтожными представятся тебѣ всѣ людскіе гордые помыслы, и какъ ясно выразишь ты великую истину, что всякое мѣсто, гдѣ бы кто нистоялъ, есть центръ круга безконечнаго, и имѣетъ вліяніе столь же неограниченное; что иная мысль, чувство, желаніе, молитва, во глубинѣ души, кажется намъ, остающаяся, можетъ быть сильнѣе, дѣйствительнѣе, въ общей экономіи челоуѣчества, чѣмъ кровопролит-

ная битва, союзъ многихъ царствъ, миллионное предпріятіе; что она можетъ быть принадлежить къ тѣмъ невидимымъ подпорамъ, на коихъ держится или поддерживается міръ, по слову Евангелія, вѣщающаго, что даже въ послѣдніе дни скорбь велия, какая не была отъ начала міра, прекратится только *избранныхъ ради*.

Тогда въ другомъ свѣтѣ увидишь ты, разумѣется, и собственную жизнь свою, произнесешь иной приговоръ всѣмъ ея произшествіямъ; примиришься со всѣми людьми, объясняя противныя ихъ дѣйствія недоразумѣніями, обстоятельствами, твоими собственными винами, внушеніями злаго духа; сознаешься, что можетъ быть и отъ тебя страдали многіе, какъ ты страдалъ отъ многихъ; тогда благословишь ты враговъ твоихъ, которые были величайшими твоими благодѣтелями, которые недопустили заглухнуть твоимъ способностямъ, не дали остыть душѣ твоей, поддерживая небесный огонь ея, и содѣйствовали болѣе всѣхъ друзей ея освященію, служа невольными орудіями Провидѣнія. Съ какимъ чувствомъ будешь ты просить у нихъ прощенія! Какое значеніе получить въ глазахъ твоихъ эта бѣдная земная жизнь, какъ служба, какъ приуготовленіе къ другому высшему состоянію! Какой священный, великій характеръ приметъ въ глазахъ твоихъ несчастіе, которое не допустило тебя забыться, возгордиться, развратиться, приковаться къ землѣ и ея похотямъ, которое указало тебѣ путь на небо...

О блаженъ, блаженъ, если ты поднимешься на эту высоту, пробудешь тамъ хоть одну минуту, и, сложивъ руки крестомъ, передъ своею кончиною успѣешь воскликнуть: *Отче! въ руки твои предаю духъ мой!*

М. Погодинъ.

Февраля 6. 1846.

